

КОРОБКА С ФОТОГРАФИЯМИ



Фариз Аликишибеков

Нам пятнадцать, Ильгар прыгает через большую лужу в своих старых рваных на коленях «Левайсах 505», белых матерчатых кедах, и белой же майке навывпуск. На длинном лице под редкими черными усиками широкая улыбка, глаза смеются. Руки в полете разведены в стороны, словно Ильгар пытается охватить весь мир сразу. «Это все мое: осень, деревья, желтые листья, серое небо, лужи, дождь, мокрые пятиэтажки»...

Вот что он, наверняка, думает в этот самый миг, выхваченный из стройного течения време-

ни объективом моей старой «Лейки».

Я ясно вижу эту фотографию, но существует она только в моей памяти. Я успел тогда спустить затвор фотоаппарата, но позже, случайно, засветил почти всю пленку. Уцелел только последний кадр, на котором Ильгар озадаченно разглядывает свои мокрые ноги: «Как это я мог не допрыгнуть?» Эта лужа оказалась для него слишком большой, но он не расстроился. Ильгар, вообще, всегда брался за то, что было огромным, а если не получалось, то и не переживал особенно. Такой он человек.

Я не люблю альбомов для фотографий, в них все слишком упорядоченно, слишком правильно. Сам храню фотографии в коробке, где они постоянно путаются, и за свадебными снимками часто идут школьные; а фотографии с работы перепутаны со снимками из наших с женой поездок в Европу. Мне кажется, что в этом мельтешении времен и мест есть какая-то чудесная магия.

На следующей фотографии, которую я выкладываю на стол и разглядываю при свете настольной лампы, нам лет по десять. Мы учились в большом классе, но Ильгара я нахожу сразу, по буйной копне черных волос. Он стоит в третьем ряду, и смотрит влево и вниз, туда, где на два ряда ниже стоит Таша. А она смотрит куда-то в сторону, не прямо в камеру, а будто через плечо фотографа. Кого она там высматривает? Принца на белом коне, которого так никогда и не дожждется?

В этой одной фотографии все история их отношений. Так было всегда: Ильгар смотрел на Ташу, а Таша смотрела в сторону. Он всегда шел к ней, а она – от него, но Ильгар все равно продолжал пытаться. Он словно прыгал и прыгал через большую осеннюю лужу, всю жизнь разделявшую их.

Магическая машина времени старых фотографий снова переносит меня вперед. Это выпускной. Волшебная ночь, я хорошо ее помню: мы гуляли по бульвару, было тепло, весело и казалось, что в жизни всегда так будет. На снимке три парня и две девушки: Ильгар, Заур, я, Таша и Нара. Ильгар обнимает Ташу, она смеется. Это, наверное, единственный день, когда она разрешила ему приблизиться к себе, когда она приняла его любовь. Длинные светлые волосы Таши рассыпаны по плечам, а поверх волос на плече очень осторожно и нежно лежат пальцы Ильгара. Красивая и светлая фотография, но мне всегда больно смотреть на этот кадр. Может быть потому, что даже на этой фотографии Таша смотрит не на Ильгара, а в сторону. Или потому (думаю я сейчас, по прошествии многих лет), что этот кадр напоминает мне, что время не остановишь, что жизнь всегда выскальзывает за рамки мгновения, которое ты поймал в объектив фотокамеры, как бы прекрасно это мгновение ни было.

А вот эта фотография получилась скверно, даром, что я фотографировал тогда уже дорогущим профессиональным «Кэноном». В фокусе только чья-то рука с рюмкой в ней; а Ильгар и Нармина получились размыто. Свадьба была веселая, гуляли мы так, что гул стоял! Честно говоря, если бы не фотоаппарат, то я вообще почти ничего бы на следующее утро не вспомнил. Помню, как удивлялся, когда печатал фотографии и показывал их потом друзьям: «Что, все это было? Нет, правда?» Почти все снимки такие же неудачные: то не в фокусе, то кривые, то слишком темные. Но все равно приятно, что они сохранились.

Следующая фотография, которую я достаю из коробки, была сделана за четыре года до свадьбы Ильгара. Мы провожаем Ташу на перроне вокзала, у вагона поезда Баку-Москва. Из нашей старой компании только Ильгар, Нара и я. Мой друг, как всегда, смотрит на Ташу, а Таша, столь же привычно, повернулась, и разглядывает что-то вдалеке. Что она там увидела? Может быть, большой город за океаном, в который она так стремилась, в который уезжала, и в котором никогда не была счастлива? Фотографировал кто-то другой, потому что на этой фотографии я стою рядом с Ильгаром. Судя по всему, я был не очень расстроен тогда, видимо, уже привык к частым расставаниям: в том году уехало очень много наших друзей и знакомых. А Ильгар... Не буду рассказывать. Приходите как-нибудь в гости, я покажу вам эту фотографию, сами все поймете.

Следующий снимок – еще один прыжок в будущее, на этот раз лет на 6 вперед. Забавное совпадение, но тут мы с Ильгаром вместе, и я снова положил руку ему на плечо. Это нефтяная платформа. Я работал в головном офисе компании, которой давно уже нет, а Ильгар – на буровой. Через несколько лет компанию закрыли, но фотографии остались.

Я рассматриваю снимки, лежащие на столе, и добавляю к ним новую фотографию, снятую вчера и напечатанную только что. На ней Ильгар с Нарминой и дочками – Лейлой и Ташей, за накрытым праздничным столом. Таша-младшая удивительно похожа на свою маму – такая же светловолосая и светлоглазая, и очень мало похожа на Нармину, которую называет и считает сейчас своей настоящей мамой. Когда-нибудь, повзрослев, Таша задаст свои вопросы и узнает, как Ильгар перепрыгнул через лужу Атлантического океана, когда узнал, что Таша-старшая в Бостоне умирает от рака; как он продал свою дачу здесь, и заплатил все, что у него было – там, за лечение, которое не помогло. Узнает невероятную, почти детективную историю о том, как Ильгар с Нарминой почти два года всеми правдами и неправдами воевали с американской бюрократией, добиваясь удочерения ставшей никому не нужной девочки, бывшей при этом, к несчастью, американской гражданкой. Расскажет о том, как им это удалось. На фотографии Ильгар улыбается и смотрит на Ташу, которая вцепилась в огромного, только что подаренного ей, плюшевого медведя. Таша-младшая задорно смеется, и смотрит на Ильгара.

Тикают старые настенные часы, дома все спят. В свете настольной лампы я смотрю на фотографию, потом собираю их и складываю в коробку, в которой хранится моя жизнь и жизнь многих других людей, с судьбами которых мне довелось соприкоснуться. Тихо тикают старые часы, все также бежит-спешит время, и я закрываю коробку, отделяя неподвижное от подвижного.